

Токвиль: наш современник?

Серж Одье

Двухсотлетие со дня рождения Алексиса де Токвиля (1805-1858) является поводом заново открыть одно из самых сложных произведений той эпохи и спросить себя: что эта книга могла бы привнести в понимание современных разновидностей демократии? Является ли Токвиль нашим современником? Есть ли в его книгах какие-либо взгляды, открывающие перспективу дальнейших исследований?

Хотя сегодня Токвиль является классиком, его не всегда считали таковым: во второй половине XX века его идеи пережили второе рождение, что положило конец периоду «частичного затмения». Тем не менее, при жизни Токвиль был одним из наиболее признанных французских публицистов. Немедленный успех первого тома его труда «Демократия в Америке» (*«De la démocratie en Amérique»*), вышедшего в 1835 году, объясняется не только стремлением Токвиля ознакомить широкий круг читателей с общественным устройством и государственными институтами Америки, но и спецификой его политических взглядов. До Токвиля «доктринеры», например Гизо, поддерживавшие Июльскую монархию, преимущественно определяли демократию как состояние социальное и юридическое, а не политическое. Токвиль, напротив, представляет демократию как общество, построенное не только на равенстве условий, но и на народном суверенитете.

Утверждая, что Америка предвосхищает будущее Европы, Токвиль побуждал самых консервативных своих современников не бояться демократического государства, поскольку американцы уже нашли адекватные решения проблем этого нового политического и социального строя. Токвиль был далек от того, чтобы довольствоваться идеалистической картиной, и с 1835 года (и еще более в 1840 году, во втором томе) акцентировал внимание на новых опасностях этого демократического общества, одержимого страстью к равенству и благосостоянию, которая рискует разрушить политическую свободу. В частности, он указывал на опасность доселе неизвестного явления, индивидуализма – тенденции индивидов концентрироваться на своей частной жизни – и тут же предлагал противоядия от этих зол, в частности, «легистский дух», гражданскую вовлеченность в дела муниципального и общественного уровня и, наконец, религию – единственное средство отвлечь человека от стремления к благосостоянию.

Американская демократия по Токвилю: необходимое критическое переосмысление

После первоначального успеха идеи Токвиля мало-помалу оказались в относительном забвении, пока не воскресли во французской интеллектуальной жизни 50-х годов XX века, в период возникновения проблем, не походивших ни на проблемы 1835 года, ни на проблемы начала XXI века. В этом возрождении важную роль сыграл Раймон Арон, который возвел Токвиля в ранг одного из отцов-основателей социологии и одного из мыслителей, наиболее важных для понимания смысла событий нашего времени. В течение периода экономического благополучия, так называемых «Тридцати славных лет», марксистское пророчество о неизбежности самоуничтожения капитализма выглядело

полностью опровергнутым. Напротив, критические исследования «Демократии в Америке», в центре внимания которых находился эгалитарный процесс, казалось, лучше объясняли происходящее, чем теория «классовой борьбы». Тем не менее, Арон был далек от того, чтобы недооценивать неизбежность существования многочисленных проявлений неравенства, и даже рассматривал возможность того, что Маркс снова станет ключевым мыслителем в конце XX века, в том случае, если неравенство усугубится и обретет новые формы. Наконец, по его словам, обращение к трудам Токвиля позволило, в частности, сделать выбор между двумя антагонистическими политическими режимами, какими являются «демократия» и «тоталитаризм». Придерживаясь идеи «примата политики», Токвиль показывал, что если бы все современные общества тяготели к «эгалитарному» общественному состоянию, они должны были бы стать либо в полной мере свободными, либо деспотическими: не перед этим ли выбором снова оказалось общество XX века?

Трудам Арона исполнилось уже около полувека, Берлинская Стена пала, что ознаменовало несостоятельность коммунизма, и «Тридцать славных лет» сменились новым типом капитализма в принципиально новой международной обстановке, насколько актуально сейчас это толкование, имевшее целью возвести Токвиля в ранг образцового современника? Уравнительная динамика, необратимость которой, казалось, доказывала «Демократия в Америке», стала давать сбои, уступая место разнообразным формам бедности, нестабильности и безработицы, ранее немыслимых. Новые проявления неравенства, о масштабе которых Токвиль, по утверждению Арона, возможно, и не подозревал (даже если, как проникательный наблюдатель пауперизма, он и признавал провоцирующие неравенство последствия капитализма), все же, возможно, является недостаточным поводом для объявления его труда окончательно устаревшим.

Многие другие авторы быстро отметили недочеты книги «О демократии», не отрицая, тем не менее, ее исключительную ценность. Уже в 1880-е годы британец Джеймс Брюс в своем шедевре «Американское Содружество» (*The American Commonwealth*, 1888), который долгое время был одним из тех трудов о США, к которым чаще всего обращались ученые (в том числе Макс Вебер), упрекал Токвиля в создании чересчур отвлеченной картины, затеняющей неравенства и вес политических партий. Даже Арон, как мы заметили, не преминул подчеркнуть «недостаточный реализм» токвилеанских прогнозов в области неравенства и иерархий. В начале XXI века расхождение между современным состоянием США и прогнозами Токвиля кажется глубже, чем когда-либо, даже если учредительные и политические структуры частично сохранились, претерпев, впрочем, значительные изменения. Токвиль рискует сейчас оказаться ненадежным проводником, тем более, что его имя служит для поддержания идеалистического образа американской нации, и «неоконсервативные» интеллигенты, лояльные к президенту Бушу, охотно ссылаются на его труды. С современной точки зрения, Америка Токвиля иногда напоминает затонувший континент: она обладает чертами глубоко аграрного общества, более эгалитарного, по-видимому, чем любое другое, и не затронутого еще провоцирующими неравенство последствиями индустриализации.

Токвиль и сам, вероятно, был склонен к некоторой идеализации, умалчивая, например, о большом влиянии финансовых сил на политическую жизнь и переоценивая социальную мобильность того времени. В наше время становится очевидным, что «гражданское общество», которое с энтузиазмом рисует Токвиль, общество, поддерживаемое плотной сетью межорганизационных отношений и

сплоченностью добропорядочных граждан, - очень хрупко и подвержено нестабильности. Установленный Токвилем принцип «народного суверенитета», похоже, не оправдал возложенных на него надежд ввиду массового уклонения от голосования и незначительностью прямого участия граждан в политике, не говоря уже о решающем влиянии лобби на общественную деятельность. Кроме того, по словам великого социолога Ральфа Дарендорфа, «мир Токвиля, мир авторов «Федералиста» кажется, находится на грани разрушения», поскольку «сейчас основная проблема – это разобщение Америки, наряду со страхом, насилием и различными формами фундаментализма». Основываясь на пессимистических прогнозах Артура Шлезингера, Ральф Дарендорф подчеркивает, что «токвилианские добродетели», необходимые в местных и религиозных сообществах, постепенно исчезают, так как «гражданское общество разваливается на части, разделяясь на группы, которые можно было бы назвать антигражданскими». В конце концов, сплоченность «гражданского общества», возможно, уходит в прошлое: «клей высох» и «американцы больше не являются американцами: они превратились в италоамериканцев, афроамериканцев, испаноамериканцев». Да и образ Франции, созданный Токвилем в «Старом порядке и революции» также вызывает скептицизм у современных исследователей. Итак, согласно последней книге Пьера Розанваллона о французской республиканской модели, Токвиль создал слишком схематичную картину «якобинства»: «токвилианская карикатура» сегодня рискует продлить существование стереотипов по поводу «центризма», который сильно изменился за полтора века.

Все эти исследования внушают недоверие к излишнему идеологизму Токвиля и избавляют от иллюзии, что в своих трудах он предугадал ответы на все наши вопросы. Однако его взгляд на США и его попытка определить характерные черты разных форм демократического общества остаются ценным источником для размышлений и даже источником вдохновения в области общественных наук и политической философии.

Токвиль и демократический индивидуализм

Одной из тем, которой, по-прежнему, посвящается множество работ по социологии, является индивидуализм, которому Токвиль противопоставляет эгоизм: в то время как первый термин является характеристикой демократического общества, второй определяет всеобщую психологическую тенденцию. Быть «индивидуалистом» означает замыкаться в своей частной жизни, в кругу семьи и близких, игнорируя «большое общество», в котором человек выполняет свои обязанности гражданина. Токвиль полагает, что большая опасность кроется в этом уходе в частную сферу и в отказе от участия в политической и общественной жизни, открывающем пустоты, которые угрожает заполнить «опекунская» государственная власть. Эта тема в свободной интерпретации остается плодородной почвой для исследования проблем гражданской активности в настоящее время. Такова цель классической книги Ричарда Сеннета «Крах публичного человека», вышедшей в 1974 году, которая начинается цитатой из Токвиля об индивидуализме, который отделяет людей от им подобных до такой степени, что они забывают о совместной принадлежности к обществу. Рассматривая эти опасения с современной точки зрения, Сеннет сожалеет об ослаблении гражданственности, главным симптомом которого, возможно, станет «конец общественной культуры» под растущим давлением

культуры, сосредоточенной на личной жизни индивида. Разве Токвиль не подчеркивал, что «человек демократический» мало ценит «формальности» и церемонии? Размышляя над этим интуитивным заключением, Сеннет сожалеет об упадке «правил приличия», то есть некоторых кодексов, которые поддерживали между индивидами «дистанцию», необходимую для общественной жизни. Демократические общества, возможно, окажутся отныне охвачены «неучтивостью», то есть «давлением на других всей тяжестью своей личности». Эта тенденция может спровоцировать серьезные последствия в политике, об этом свидетельствует эволюция технологий общения лидеров политических партий, в основном озабоченных своим «имиджем», что влечет за собой склонность избирателей оценивать больше их обаяние, чем реальные действия. Это отклонение может, по мнению Сеннета, сохранить в неприкосновенности структуры власти и ослабить сознание общественного блага, в котором нуждается всякое живое политическое сообщество. Поскольку то, чего вслед за Токвилем опасается Сеннет, это «крушение *res publica*».

Польза этих исследований для объяснения трансформаций современных демократических обществ очевидна: отклонение, которое отметил Сеннет, стало очевидным также и в Европе, где вторжение частной жизни в общественную жизнь, судя по всему, прогрессирует неотвратно. Во Франции недавние изменения в характере политических коммуникаций, где роль народа – *people* – не является больше прерогативой актеров или певцов, подтверждают значимость этих наблюдений. **тем более что они, согласно токвильанской мысли, лежат в основе привязанности к ценностям общественной жизни.** Широта мысли Токвиля обусловлена тем, что он не довольствуется изобличением патологий современности: его цель также предложить средства от этих отклонений, в частности локальную и общественную активность. Эта тематика продолжает оставаться в центре внимания новейших исследований о роли «гражданского общества» в современной демократии.

Гражданское общество и сообщества: токвильанское наследие

В США под термином «неотоквильанство» подразумевают политическую социологию, которая описывает значимость общественных связей для поддержания жизни сообщества, основанного на взаимном доверии. Таково направление исследований Роберта Д. Патнэма. Цель его книги «Чтобы демократия работала» (*Making Democracy Work*, 1993) состоит в том, чтобы продемонстрировать, что общий успех различных регионов Италии обусловлен плотностью гражданских связей, образовавшихся благодаря городскому образу жизни и свободным сообществам. В этой книге Патнэм представляет идеи Токвиля как основу своего исследования. Судя по всему, «Демократия в Америке» обнаружила связь между «нравами» общества и осуществлением политики: гражданские сообщества усиливают «привычки сердца», необходимые для жизни демократии. Обратившись к республиканизму эпохи Возрождения, Токвиль убедительно показал, что только активное участие в жизни свободных сообществ гарантирует раскрытие подлинной гражданственности, основывающейся на чувстве сотрудничества, солидарности, и общественной ответственности.

Но главным образом Патнэм ссылается на Токвиля именно в своих трудах о США, представляя его как «святого покровителя» сторонников теории «социального капитала». Под «социальным капиталом» Патнэм понимает совокупность связей, формальных и неформальных, объединяющих людей между

собой отношения сотрудничества, основанными на взаимном доверии. Итак, Токвиль разглядел основную черту американской гражданской культуры: ассоцианизм, который обеспечивает контакты индивидов внутри разнообразных сообществ, с самыми различными целями, от учебной взаимопомощи до занятий музыкой. Кроме того, Токвиль уловил роль религиозных объединений в конкретном воспитании гражданского самосознания. Его гениальное открытие – его теория «подразумеваемой прибыли», то, что Патнэм называет «общепринятой нормой взаимности»: индивиды американского общества охотнее посвящают себя коллективным делам, от которых они ожидают рано или поздно выгодных последствий для них самих.

Итак, Патнэм далек от того, чтобы относить Токвиля к идеализированной поре XIX века, и полагает, что его точка зрения подтвердилась в XX веке, по крайней мере, до шестидесятых годов, когда американцы посвящали много времени общественной жизни. Однако Америка начала отдаляться от «токвилианской модели» примерно с семидесятых годов, для которых типичным было снижение числа участников сообществ. Тому было много причин: изменения рынка труда, увеличение времени на дорогу, кризис института семьи, растущее влияние средств массовой информации и т.д. И все же, принимая позицию «токвилианства», Патнэм завершает свое исследование не сожалением, а призывом ко всем ответственным лицам подготовить почву для возрождения общественной жизни, что потребовало бы возобновления активного гражданского воспитания, улучшения транспортных условий и составления рабочих графиков, оставляющих время для общественной деятельности, а также «великого религиозного пробуждения» (опасности которого Патнэм, тем не менее, отмечает: необходимо быть «плюралистом» и «толерантным»), новых форм электронного общения (Интернет предпочтительнее домашнего телевизора), увеличение числа коллективных праздников и, наконец, увеличение вклада каждого гражданина в политическую деятельность в ее традиционном смысле (выборы и т.д.).

Реальная польза произведений Токвиля объясняется, таким образом, его описанием положительных эффектов американского «гражданского общества». Также необходимо, чтобы избежать всякой неясности, дать верное определение этого понятия. Такова цель работ философа Бенджамена Барбера, который некоторое время был советником Хилари Клинтон – в своей речи в защиту «сильной демократии», опубликованной в 1984 году, он ссылается на Токвиля. Барбер предостерегает против чрезмерного злоупотребления идеей «гражданского общества», сожалея, что она превратилась в «удобный лозунг». Отсюда необходимость типологизации различных толкований этого понятия. Первое из них, принятое среди «либералов» и особенно среди «неолибералов», часто сводит его к идее рынка. Второе – толкование «общественников»: «гражданское общество» понимается как синоним «сообщества», что ведет к двусмысленностям при появлении необходимости классифицировать все типы закрытых сообществ, включая различные формы корпоративных систем.

Следует, таким образом, принять последнюю точку зрения, на этот раз «крайне демократическую»: понимание «гражданского общества» как «ключа к восстановлению республиканизма». В своей речи в защиту «сильной демократии», то есть демократии, поддерживаемой активным и непрерывным участием граждан в жизни «гражданского общества», Барбер упоминает Токвиля, чтобы подчеркнуть, что свободная политическая общность зависит от «отсутствия застоя в гражданском обществе»: «Алексис де Токвиль отметил локальный характер

американской свободы, и он полагал, что демократия может поддерживаться только интенсивной муниципальной гражданской деятельностью, устроенной по образцу, характерному для президентства Джексона. Он с трудом узнал бы современную Америку, где наши решения приводят либо к гигантизму и ненасытности рынка (согласно либеральной модели), либо к узости интересов личности (согласно модели общественников)». Токвиль далек от идей всякого рода «торговой» демократии, которая строится на соперничестве избранных политических элит. Токвиль предстает великим мыслителем «гражданского воспитания», которое выражается в активном участии каждого гражданина в общественной жизни на местном и государственном уровне.

Пересмотр суждений Токвиля: «совещательная демократия»

Трудность применения идей Токвиля в современной ситуации заключается в их недостаточной реалистичности: действительно, как заставить возродиться воспетую Токвилем гражданскую сознательность, учитывая современные экономические, общественные и технологические изменения, которые делают невозможным возврат к общественной гражданственности образца 1830 года? Таковы вопросы, которыми задаются современные теоретики «совещательной демократии», такие, как Джеймс С. Фишкин и Брюс Аккерман, оба ссылающиеся на Токвиля. Под «совещательной демократией» необходимо подразумевать концепцию, которая не сводит смысл демократии к простой избирательной модели, в которой политические элиты предлагают себя избирателям. «Совещательная демократия» предполагает аргументированную дискуссию между самими гражданами, которые обязаны сопоставить свои точки зрения: в ходе этого обсуждения они могут отказаться от своих изначальных предпочтений, приняв в расчет аргументы своих собеседников.

Итак, этой модели, основанной на диалоге, которая претендует на соответствие токвильанскому описанию муниципальных собраний, угрожает растущая значимость опросов общественного мнения, которые довольствуются тем, что «фиксируют» различные мнения, не давая им возможности эффективно взаимодействовать между собой. Отсюда опасность кризиса политики, правителей и граждан, действующих под влиянием так называемого «общественного мнения», обнаруженного опросами, которое на самом деле сводится к сумме сиюминутных предпочтений, разнородных и легко поддающихся влиянию извне.

По словам Фишкина, активное участие в местных ассамблеях и сообществах, описанных Токвилем, остается великолепным образцом коллективного обсуждения, но только на местном уровне. Эволюция средств массовой информации в действительности требуют пересмотра конкретных условий гражданской сознательности в более широком масштабе. Мнение, высказанное в «Демократии в Америке» о газетах, в этом отношении показательное: они изображены связанными с партиями или особыми объединениями в целях содействия гражданскому участию. Тем не менее, Фишкин обращает внимание на то, что эти газеты в скором времени были вытеснены массовыми ежедневными изданиями, более «информативными», но утеревшими гражданскую функцию, которой так восхищался Токвиль. Именно в этой новой обстановке и должны были возникнуть опросы, претендующие на отражение мнения народа, в то время как «фиксация» мнения никогда не заменит его выработки в конструктивном обсуждении. Отсюда вытекает предложение, которое претендует

на верность токвильанскому духу - учредить совещательные опросы: составить репрезентативную выборку представителей различных мнений, которым нужно было бы встречаться и вести конструктивную дискуссию в течение нескольких дней, при поддержке специалистов и предоставлении объективной документации по обсуждаемой проблеме. В ходе своих экспериментов Фишкин выяснил, что эти «совещательные опросы» заставляют множество людей изменить мнение к концу обсуждения: на этот раз, опрос фиксирует результат конструктивного обсуждения. По мнению Фишкина и Аккермана, это изобретение дает новую жизнь ассоцианизму Токвиля, адаптируя его к эре массовых средств информации. Называя себя «неотоквильанцем», Фишкин, тем не менее, подчеркивает, что, хоть Токвиль и интересовался «учреждениями, способными содействовать диалогическому обсуждению между людьми», сегодня мы больше не можем в той же мере сосредотачиваться на сообществах; также и Аккерман, тоже считающий себя «неотоквильанцем», признает, что его точка зрения менее идеалистична, чем точка зрения Токвиля: «Мы не можем больше полагать, что гражданское общество разовьется само собой», поскольку необходимо способствовать его развитию, в частности, учреждением «совещательных опросов», чтобы затронуть широкую публику в национальном масштабе.

Если проект «совещательного опроса», несмотря на свой привлекательный характер, и может вызывать скептицизм – будь то признание его нереалистичным или мнение, что он не решает всех проблем, связанных с самим влиянием опросов, - тем не менее, он свидетельствует о жизнеспособности токвильанского наследия в современной науке. Также и вопросы о демократизации Европы могут найти у Токвиля ключи к пересмотру идеала «совещательной демократии», благодаря непрерывному публичному обсуждению в гражданском обществе, где сообщества могут играть свою собственную роль, без необходимости становиться исключительно собеседниками властей. Как бы там ни было, «совещательная демократия» возрождается, скорее по духу, чем по букве, сохранив две основные идеи, которыми дорожил Токвиль, не потерявшими своей актуальности: предупреждение опасностей индивидуализма и поиск средств, позволяющих обеспечить активность граждан в процессе коллективной разработки решений проблем их политического сообщества. В этом смысле, хотя демократические общества очень изменились со времен выхода в свет «Демократии в Америке», идеи Токвиля все еще открывают множество возможностей для политической мысли.

Серж Одье
Доцент этики и политической философии
Университет Париж IV - Сорбонна
Перевод Марфы Кузнецовой

Revue des revues, sélection de juillet 2006

Serge AUDIER : «Tocqueville, notre contemporain? »
article publié initialement dans la revue *Études*, avril 2006.

Traducteurs:

Anglais: Deborah Levy
Arabe: Béchir Sébai
Chinois: Yan Suwei
Espagnol: Ofelia Arruti
Russe: Alla Beliak

Droits:

©La revue *Études* pour la version française
©Deborah Levy/Bureau du livre de New York pour la version anglaise
©Béchir Sébai /Centre Français de Culture et de Coopération du Caire – Département de Traduction et d'Interprétation pour la version arabe
©Yan Suwei/Centre Culturel Français de Pékin pour la version chinoise
©Ofelia Arruti/Institut Français d'Amérique Latine pour la version espagnole
©Alla Beliak/Centre Culturel Français de Moscou pour la version russe